АНДРЕЙ ПОГУДИН
КИБЕРТРОН
ПРОБУЖДЕНИЕ

Андрей Погудин

Кибертрон. Пробуждение

«Автор»
2026

Погудин А. Г.

Кибертрон. Пробуждение / А. Г. Погудин — «Автор», 2026

Тимуру Палласову тридцать. Он переводит инструкции к промышленным холодильникам, по пятницам пьёт пиво с единственным другом, а каждый вечер кормит дворового кота по кличке Борис. У него всё в порядке. Настолько в порядке, что можно ничего не менять. Но изменения уже на подходе...

© Погудин А. Г., 2026
© Автор, 2026

Андрей Погудин
Кибертрон. Пробуждение

Глава 1

Пролог

На столе остывал в подстаканнике забытый чай, рядом тикал потертый будильник «Слава». Ему вторила настенная радиоточка, которая размеренно бормотала про итоги XXVII съезда и ускорение социально-экономического развития. Фельдъегерь, который вручил Палласову под роспись пакет с сургучными печатями, оставил после себя в спертом воздухе бункера едкий аромат «Шипра». Роберт отложил канцелярский нож и выровнял по краю стола лист бумаги из пакета.

СОВЕРШЕННО СЕКРЕТНО

Экз. № 1

ПРИКАЗ № 0417-сс г. Ленинград 11 марта 1986 г.

О порядке работы с объектом «Хан»

В связи с решением Комитета по особым разработкам при Совете Министров СССР от 10.03.1986 № 214/гс

ПРИКАЗЫВАЮ:

Объект «Хан» (биологический носитель, профиль № 14 «Манул») перевести в категорию особой важности.

Подготовить объект к транспортировке в Москву. Срок готовности: 06:00 12.03.1986. Ответственный за подготовку: д-р биол. наук Палласов Роберт Аркадьевич.

Все материалы по объекту, включая профиль № 14, протоколы сеансов, медицинские данные и результаты наблюдений, передать вместе с объектом. Копирование материалов запрещается. Исходные записи на месте уничтожить по акту в присутствии представителя режимной службы.

По исполнении пунктов 2 и 3 д-ра Палласова Р.А. от работы с объектом «Хан» отстранить. Допуск к объекту и к материалам по нему прекратить с момента подписания акта передачи.

Контроль за исполнением возложить на начальника режимной службы (майор Дорохов В.И.).

Информацию о ходе исполнения докладывать лично главному конструктору.

Главный конструктор проекта «Кибертрон» _____ Г.В. Шестаков 11.03.1986

С приказом ознакомлен: д-р Палласов Р.А. _____ 11.03.1986, 22:40

Рассылка: 1 экз. — Палласову Р.А. 2 экз. — начальнику режимной службы 3 экз. — в дело

Документ подлежит возврату в первый отдел после исполнения.

Роберт взял канцелярский нож и подточил желтый Koh-i-Noor, после чего перечитал пункт 3 приказа, хотя понял его сразу, вернулся к четвёртому и дважды подчеркнул слово «отстранить». Рука потянулась к подстаканнику. Доктор отпил и поморщился — чай совсем остыл.

Убрав стакан, Палласов оставил свою подпись в приказе. Зашуршал бумажный пакет, принимая бумагу обратно. Роберт тяжело встал из-за стола. Городской телефон стоял у входа на тумбочке, где обычно дежурил дневальный. Тут же лежал справочник, но этот номер Палласов помнил наизусть.

— Алло. Нина, я сегодня задержусь. Миша утром уезжает на сборы, надо всё подготовить. Да-да, рано утром. Какая открытка? Да позвонит он оттуда, не переживай. Передам-передам. Ну всё, целую, пока…

Роберт задержал трубку, услышал в динамике еле различимый щелчок, ухмыльнулся и только тогда положил её на рычаг. Старенький, но надежный холодильник ЗИЛ стоял тут же, в закутке, что обозначал импровизированную кухню. Палласов достал из него небольшой кулек, свернутый из «Ленинградской правды», понюхал и чуть скривился — сегодня повар дал ему мясные обрезки уже не первой свежести.

Шаги служебных ботинок гулко отдавались на металлической лестнице. Виварий находился этажом ниже, по пути к стенду. На клетке висела знакомая табличка «Донор. Профиль №14 «Манул»». Палласов достал из кармана кулек и вывалил слипшиеся кусочки в кормушку. Из глубины клетки на него взглянул пушистый ком, и Роберт невольно вспомнил, почему лесного кота назвали Замполитом — тот смотрел всегда так, будто ты уже в чём-то виноват.

— Кушай, Замполит, кушай, — сказал Роберт манулу, который с величайшим презрением обнюхивал залежалые обрезки. — Уж извини, брат, чем богаты, да… Представляешь, а завтра его уже увезут. Твоего. Нашего…

— Он и меня вечно так ест, Роберт Аркадьич. Глазами…

— Старый уже, но всё равно гордый, — кивнул Палласов подошедшему вахтеру.

— Лесной дух ничем не вытравишь. Вы на стенд?

— Да, надо подготовить отправку.

Вахтер привычно взялся за штурвал, провернул его. Висящая на стене радиоточка как будто специально включила советский гимн. Штурвал противно заскрипел, Палласов сморщился.

— Семеныч, смажь его как-нибудь.

— Так точно! — отозвался вахтер и с усилием отворил массивную гермодверь.

Здесь воздух был посвежее, гул вентиляции наполнял помещение. Вдоль стены в темноту уходили ряды ложементов. Большинство были темные, пустые, но нужный, третий в ряду, сейчас освещал приглушенный свет. Внутри лежал юноша в форме курсанта, на висках виднелись датчики, провода уходили за изголовье к пульту, который перемигивался рядами лампочек.

Когда Роберт подошел ближе, юноша услышал тихие шаги доктора даже через гул вентиляции и открыл глаза. На Палласова уставились глаза с янтарным отливом круглых зрачков. Было в них что-то от взгляда Замполита, но не презрительного, а спокойно внимательного. Палласов кашлянул, не зная, с чего начать.

— Я в курсе, пап. Мне сказали раньше тебя, — опередил Михаил.

— Но кто?

— Она, — кивнул Михаил на потолок, усеянный толстыми жгутами проводов. — Она кого-то ждёт. Не меня. Я почти подхожу, но только почти. Знаешь, это как будто носить чужую шинель: в плечах впору, а рукава не твои.

Играющая в коридоре радиоточка смолкла.

— Ну всё, этот день официально кончился, — улыбнулся Михаил. — Мама думает, что я еду в Лугу или ты ей что-то другое расскажешь?

— Только что ей звонил. Сказал, что ты утром на сборы.

— Правильно. У нас в семье честность — это когда все врут одинаково.

— Миша, я пытался отговорить Шестакова, но Москва приказала…

— Я знаю, пап. Ты не виноват. Сделай только так, чтобы ты узнал, если она меня когда-нибудь снова найдёт. И если начну мурлыкать — пристрели. А начну вылизываться — пристрели дважды.

Михаил улыбнулся. Роберт вспомнил, как ребята дали сыну прозвище Хан — сократили от Чингисхана, для экономии, ведь манулы были родом из монгольских степей. А теперь они хотят отобрать у него сына. Хотя кое-что сделать он всё-таки может.

— Отдыхай, — сказал Роберт, поправляя сыну датчик на виске, как в детстве поправлял ему шапку. — Я скоро приду, только закончу одно дело.

Вновь гулкие шаги ботинок по той же лестнице. Палласов поднялся на основной этаж, прошел мимо своего кабинета и толкнул дверь в машинный зал. Игорь Ремизов, ночная птица, был тут. Он повернулся на скрип двери, встал навстречу в своем модном свитере с оленями и подхватил со стола термос с цветами.

— Я вижу, вы закончили, Роберт Аркадьевич! По чайку?

— С удовольствием.

Ремизов налил в стакан подозрительно мало и, чувствуя подвох, Роберт лишь чуть-чуть отхлебнул коричневой жидкости. В китайском термосе был неплохой коньяк. Игорь довольно улыбнулся и подмигнул Палласову как заговорщик.

— Сухой закон ведь, Роберт Аркадьевич. У нас теперь всё — чай.

— Шутник. В честь чего праздник?

— Ну как же? Я готовил материалы к отправке, знаю про приказ. Михаила же ведь утром в Москву, хотел вас хоть так поддержать.

— И поддержал, — кивнул Роберт, чувствуя, как разливается по телу приятное тепло от выпитого. — Хорошо, что ты здесь и всё уже знаешь. У меня к тебе одна просьба есть щекотливая, и она немного незаконная...

— Слушаю вас, — посерьезнел Ремизов.

— Я хочу скопировать профиль Михаила, — выпалил Роберт, игнорируя распахнутые глаза Игоря. — Но я биолог, не программист, у меня нет доступа. Зато у тебя он есть.

— У вас также нет ленты, — заметил Ремизов, справившись с удивлением. — И приказ прямо запрещает делать копии материалов. Нет. Я в это не полезу.

— Игорь, у меня должно остаться хоть что-то от сына. А если в Москве напортачат? Тогда у меня останется исходная точка для восстановления.

— А если она его вообще не отпустит? Что тогда?

— Да ты пойми, утром записи удалят! После шести от него не останется ничего, кроме накладной.

Ремизов медленно допил свой коньяк. Роберт наблюдал за администратором, которого давно знал, но теперь гадал — согласится или нет? В машинных шкафах что-то шуршало и потрескивало. Игорь встал, отошел к столу с ЭВМ и, немного повозившись там, вернулся.

— Значит так. Я пойду покурю. Минут на сорок. И это, я ничего не видел, Роберт Аркадьевич.

Игорь пошел к двери. У выхода повернулся, окинул взглядом терминалы и выдал с улыбкой:

— Счастье для всех, даром, и пусть никто не уйдёт обиженный…

Дверь за ним закрылась. Палласов шумно выдохнул. На столе с ЭВМ царил творческий беспорядок, но Роберт сразу увидел, что оставил ему администратор — связку ключей с висящей на ней металлической печаткой. Он включил ЭВМ и тут же осёкся: уровень администратора требовал отдельный пароль. Но ведь он его не знает!

Палласов в панике осмотрел стол. Подожди-ка, Игорь пошёл курить, а папиросы остались. Роберт посмотрел на связку ключей, потом на «Беломор». Схватил пачку, перевернул. «ГОСТ 1505-81» был обведен карандашным овалом. Палласов ввёл буквы и цифры в окошко пароля, нажал «ВВОД». На черном экране монитора вспыхнула зеленым надпись: «Добро пожаловать в строй, товарищ носитель».

Роберт усмехнулся — приветствие стояло в системе с семьдесят восьмого года. Помнится, Шестаков еще требовал, чтобы при входе начинал играть гимн СССР. Слава богу, сошлись только на таком сообщении. Еще один компромисс, как и вся советская власть.

Палласов прошел к лентотеке, сорвал с двери пластилиновую печать и открыл замок ключом Ремизова. В небольшой комнате стояли стеллажи с магнитными лентами. Он взял одну, прочитал инвентарный номер на коробке и пометку: «Выдача только с записью в журнал учёта». Палласов полистал страницы. Подпись Ремизова стояла на половине строк в журнале.

Роберт вспомнил, как пятнадцатилетний Миша в 1980 году подделывал отцовскую подпись под двойками так ловко, что учительница ни разу это не заметила. Палласов же его раскрыл и заставил показать, как сын это делает, конечно только «из профессионального интереса». Миша тогда сказал помнится: «Пап, не рисуй буквы, повторяй движение. Смотри, где человек давит и где отрывает ручку».

Роберт внимательно рассмотрел почерк и подписи Ремизова. Игорь давил на заглавной «Р», а хвост у «в» бросал вверх, будто вечно торопился. Палласов взял со стола карандаш и потренировался на обороте старой распечатки, а потом с первого раза сделал запись в журнале учета: «12.03.86, лента №87, Ремизов И.Б.». А что, похоже! Сын был бы доволен, «честность — это когда все врут одинаково». Подпись администратора в журнале никого не насторожит.

Палласов загрузил бобину в лентопротяжный механизм и нашел в архиве ЭВМ профиль №14 в том виде, в каком его записал проект: протоколы сеансов Михаила, показатели, рост синхронизации, медицинские данные и логи разговоров с Ханом вне протокола. Роберт запустил копирование. Теперь у него будет точка восстановления, если когда-нибудь получится отделить сына от системы.

Остался последний момент. Палласов зашел в протокол, нашел нужный триггер и ввел короткую строчку: «Объект «Хан» обнаружен. Уведомить: Палласов Р.А». Подтвердил изменение и уставился на экран, где появилась надпись, которую никто никогда не программировал: ЗАПРОС ПРИНЯТ. СРОК ОЖИДАНИЯ: НЕ ОГРАНИЧЕН.

Роберт медленно выключил монитор, экран потух. Он сидел в полутьме и слушал гул вентиляции. Прошло минут тридцать, но больше никаких странностей не происходило. Щелкнул механизм остановки. Палласов вынул бобину и бережно вложил её плоскую жестяную коробку. Надо подумать, куда её спрятать, ведь вынести отсюда он её не сможет, охрана на выходе найдет обязательно.

Сунув коробку в карман рабочего халата, Роберт закрыл лентотеку на ключ, разровнял пластилин поверх толстой нити и крепко вдавил в него печатку Игоря. Связка с ключами вернулась в компанию к начатой пачки «Беломора». Палласов направился к двери, когда её открыл вернувшийся Ремизов.

— Успели, Роберт Аркадьевич?

— Не понимаю, о чём ты. Спасибо за коньяк, ой, прости, чай! Мне нужно на стенд.

— Приходите, как закончите, в термосе есть еще, — напутствовал Ремизов с хитрой улыбкой.

Снова гулкие шаги по лестнице. До утра оставалось не так уж много времени, Палласов быстро прошел через открытую вахтером дверь и остановился в раздумье у ложемента Михаила. Сын спал. Взгляд Роберта скользнул по ряду пустых ложементов, чьи обитатели их покинули. Никто не собирался вытаскивать отсюда тяжелое оборудование, даже не нужное. В изголовье перемигивался лампочками пульт, а между ним и ложементом скрывалась небольшая полость, куда как раз поместится коробка с бобиной.

Послышались шаги, Палласов отдернул пустую руку, тут в дверь вошли четверо в штатском, одетые как близнецы-братья: одинаковые серые пальто, ондатровые шапки. Следом вошел врач с чемоданчиком, подошел к Роберту и произнёс:

— Я уже ввел седативное.

— Вижу, — буркнул Палласов. — А я хотел попрощаться с сыном.

— О, извините. Но может еще не подействовало?

— Товарищи, начнём транспортировку изделия, — произнес старший группы, пропуская двух крепких ребят в шинелях, которые вкатили в помещение тележку и длинный контейнер, похожий на гроб.

Военные направились к ложементу, но Палласов вскинул руку в останавливающем жесте: «Я сам!». Старший группы кивнул, и бойцы занялись погрузкой пачки опечатанных коробок с лентами на тележку. Один из штатских достал накладную и принялся сверять номера материалов.

Роберт покачал головой и, отстегнув датчики, бережно поднял сына. Врач откинул стенку контейнера. Палласов положил Михаила внутрь, сам закрыл прозрачную крышку. Щелкнули замки фиксаторов. Один из штатских опечатал контейнер и кивнул бойцам — забирайте, мол. В этот момент глаза Михаила открылись.

Палласов вцепился в контейнер, который уже повезли к выходу. Михаил сонно осмотрелся, увидел солдат, отца и всё понял. Губы его зашевелились, Роберт склонился над стеклом, но ничего не услышал. Старший группы взял доктора за плечо:

— Распишитесь в передаче объекта.

В коридоре ожила радиоточка, заиграл гимн СССР, который заглушил последние слова Роберта: «Прости меня, сын». Контейнер увезли, стенд опустел. Палласов растерянно огляделся и почувствовал острое желание выпить. Спустившись на этаж, он вошел в машинный зал. Ремизова здесь уже не было, но цветастый термос всё еще стоял на столе. Палласов подошел ближе, взял стакан и тут заметил, что монитор включен.

На экране горела зеленым надпись: ОБЪЕКТ «ХАН»: СОВМЕСТИМОСТЬ 93%. НЕДОСТАТОЧНО. ОЖИДАНИЕ НОСИТЕЛЯ.

Глава 1 «Автопилот»

В телефоне на тумбочке пикнуло очередное уведомление. Тимур приоткрыл один глаз, нашарил экран. Ого, уже 11:40! Ну да ладно, ещё не поздно. Он перевернулся на другой бок, стал проваливаться в дрёму, но всё-таки прошамкал пересохшими губами:

— Алиса, включи любимую музыку.

— Окей! Песни, которые вам понравились. Группа «Керсари», «Советский Союз».

Умная колонка включила один трек, потом заиграл второй. На третьем Тимур окончательно проснулся и поднял себя с кровати. Несмотря на утро, в комнате было сумрачно, ведь окна выходили во двор-колодец, но зато хозяйка снизила плату за однушку. Тимур еще раз дотронулся до экрана смартфона. 30 октября, скоро нужно платить аренду. А в проекте еще конь не валялся!

Тимур включил свет, в двухрожковой люстре зажглась лишь одна лампа. Чёрт, она же перегорела! И вроде бы еще неделю назад. Решив заменить лампу в ближайшее время, Тимур несколько раз наклонился к пыльному ковру, сделал пару приседаний и, закончив на этом зарядку, пошел чистить зубы. Утренний ритуал продолжил гул любимой кофеварки. Она была одной из немногих личных вещей среди чужой мебели в цвете «дерево», а еще ноутбук и умная колонка.

Аромат кофе примирил Тимура с новым днём, он залез в телефон и принялся просматривать уведомления. Первое было от нового заказчика, который просил «сделать посолиднее» там, где речь шла о дренажной трубке. Тимур включил ноутбук и нашел на рабочем столе проект — перевод руководства по эксплуатации промышленной холодильной установки. 180 страниц, оплата частями, крайний срок через десять дней, исполнитель Палласов Т.П.

Второе уведомление было от банка. Наконец-то поступила оплата от прошлого заказчика за проект, который Тимур сделал быстро и хорошо! Потому что мог, а не потому, что было

интересно. Порадовал размер вознаграждения, которое щедрый клиент увеличил за счет скорости работы. Теперь денег хватит минимум до Нового года, и аренду квартиры в понедельник он таки оплатит. Тимур допил кофе и написал текущему заказчику, что конечно «сделает посолиднее», но начал переводить проект как обычно. Ведь никто больше не прочитает это руководство с таким вниманием, как он сейчас.

Ближе к обеду от работы его оторвал звонок матери из Колпино. Она опять жаловалась на отца, что ничем не помогает на даче из-за своего давления, а ведь антресоли на кухне так и стоят забитые разным хламом. «Там всё от твоего деда. Я туда боюсь лезть, приезжай, разберёшь». Тимур пообещал приехать. В который раз? Напоследок в разговор вклинился отец:

— Работаешь?

— Работаю.

— Ну работай.

Переводить очередной раздел руководства Тимур закончил к вечеру. Он не торопился, мысль о перечисленном гонораре грела душу. Тут пришло сообщение от Лёхи, который зазывал его посидеть в любимой пивнушке — «ведь пятница же!». А что, в кои-то веки можно и посидеть, повидаться с другом-сослуживцем. Тимур устало потер глаза, закрыл проект и принялся одеваться. Рука нащупала в кармане куртки пакетик с кошачьим кормом, который лежал там уже несколько дней. Тимур поморщился. Просто так получилось! Он захлопнул дверь и поспешил на метро.

* * *

Пивная «Под Невой» была не то, что модной, но атмосферной, нашей. Причём таковой её считали не только биргики, но и вполне себе обычные любители пенного, которые заходили пропустить кружечку-другую вечерком в подвале на набережной Мойки. Из кирпичной стены за барменом торчало восемь кранов, на которых стоял как народный лагер, так и сезонные сорта с редкими вкраплениями импорта. Из колонки лился репертуар времен нулевых. По потолку длинного помещения змеились трубы, а на полу теснились небольшие круглые столики. За одним из них Тимур и заметил Лёху, который с чувством чистил вяленую воблу. Перед ним исходили пеной две кружки светлого.

— Здорово, Тим! А я уже заказал нам фирменного, только принесли. Свежак, налетай! Ты куда вообще пропал?

— Работы много, взял большой проект, — сказал Тимур, отхлебнув пива.

Да, это было то самое, фирменное. С легкой горчинкой, настоящий пивной вкус, как раньше. Именно такое он пил здесь с Лехой, когда вернулись со службы. Сколько же они не виделись? Тимур чокнулся с другом за встречу. Тот отпустил бороду, красные от недосыпа глаза блестели за стеклами очков, которые он протирал краем мятого худи. Ведь у него же недавно родился ребенок! Девочка или мальчик? Что ж, все приметы молодого папаши налицо.

— Третий год не высыпаюсь, — подтвердил диагноз Леха. — Как Соня родилась. А тут недавно она заявила, что у меня борода как у медведя, представляешь? Теперь точно не сбрею! Ну, ты вообще как?

— Нормально, — ответил Тимур, беря предложенную воблу.

— А в нашем банке затеяли смену системы, внедряют ИИ, работы сильно прибавилось, так я прибавку попросил. Дали, — похвастался раскрасневшийся Лёха. — Теперь ипотеку быстрее загасим!

— Поздравляю.

— Ну да, с одной стороны хорошо, а с другой времени еще меньше стало. А ведь в следующую пятницу турнир по D&D, еле вырвался. Тим, может ты подтянешься? Я мастер игры, а один игрок у нас слабоват. Ты же помнишь, как мы раньше рубились?

— Посмотрим. В пятницу видно будет.

Рабочий день в Питере заканчивался, бар наполнялся людьми. Тимур сходил за очередной порцией пенного к стойке, вежливо посмеялся над новым анекдотом от бармена и расплатился картой. Раз Лёха купил то, он купит это.

Пиво расслабляло, торопиться никуда не надо, а думать о будущем не хотелось. Друг дальше рассказывал про свою жизнь, Тимур внимательно слушал, время летело незаметно. После третьей ходки к стойке Лёха взглянул на часы, спохватился:

— Уже десять, надо домой. Соня не спит, пока не приду. Я обещал.

— Конечно, — кивнул захмелевший Тимур и порадовался, что хоть кого-то ждут дома.

— Слушай, Тим! Ты если что — звони. Не по делу, а просто так, — сказал Лёха, допив одним глотком пиво.

— Ага, — кивнул он, хотя оба знали, что не позвонит.

— Ну бывай! Хорошо посидели.

— Жене привет. Дочке тоже.

Многих людей пятничным вечером не ждали дома, в бар прибывали страждущие. Тимур не стал занимать столик и пересел за барную стойку. Вкусное поначалу пиво сейчас кислило на языке. Тимур отодвинул пустую кружку, пить больше не хотелось. Карман куртки оттягивал пакетик с кошачьим кормом.

* * *

Октябрьскую тьму во дворе-колодце немного разбавлял один работающий фонарь из трех. Под мусоркой натекла лужа, Тимур обошел её по краю. В освещенной двери дворницкой стояла тележка. Тимур поздоровался, Рустам оторвался от своего занятия.

— Тварь опять пометила тележку, представляешь? Вот оттираю теперь. Воняет так, что до мозга костей пробирает, э…

Тимур считал, что дворник должен быть привычен к любым запахам, но не стал убеждать в этом Рустама, а просто выслушал его обычные стенания. Тот наконец закончил с тележкой, закрыл дворницкую на замок и растворился в арке, пожелав вежливому жильцу «спокойной ночи».

Справа под навесом угадывался вход в подвал, дверь в него была закрыта на ржавый замок. У стены шёл бетонный выступ, ступенька продуха, закрытого сверху чугунной решеткой. Старая, в палец толщиной, сквозь неё круглый год тянуло тёплым — воздухом, пылью и чем-то ещё, чему Тимур не находил названия. Зимой на решётке таял снег, летом сидели коты. Вот и сейчас один из них появился из темноты, дождавшись, когда двор-колодец покинет ругавший его дворник.

Тимур присел на корточки у низкой ступени, высыпал на припасенную газету сухой корм из пакетика. Кот подождал, пока человек отойдет на пару шагов, и только потом спрыгнул с решетки и недоверчиво понюхал угощение.

— Кушай, Борис, кушай, это твой любимый, — заверил Тимур. — Извини, что долго не приходил, много работы.

Выслушав извинения, кот смилостивился и принялся есть, аккуратно подбирая по нескольку кусочков за раз. Тимур сделал один шаг, еще один и присел рядом. Кот продолжил хрустеть угощением, не убежал. Набравшись смелости, Тимур протянул руку и погладил Бориса по голове. Тот в этот раз позволил, но мурлыкать не стал. Он никогда не мурлыкал.

— Ну что, Борис. Опять мы с тобой вдвоём. Я не приходил, потому что заказ делал. Скучный заказ, Борис. Как и я.

Кот покосился на человека, но комментировать его утверждение не стал.

— Я в баре сейчас был, пиво пил с другом. Да ты и так, наверное, учуял. Лёха говорит, звони. А у него дочь, семья, чего я ему звонить буду?

Кот перестал есть и замер. Уши дёрнулись, Борис уставился на решетку **продуха**, словно кто-то его позвал оттуда по имени. Тимур осекся. Прошло секунды три, кот тряхнул головой и вернулся к корму.

— Мыши, — решил Тимур и продолжил. — А тут мама еще звонила. Всё на дачу зовёт, а что мне там делать? Я же не агроном! Давно зовет, кстати. Может и съезжу. В это воскресенье, например.

На первом этаже со скрипом открылось окно, во двор выглянула старушка в платке. Подслеповато щурясь, Вера Ильинична уставилась на Тимура, узнала его и, радостно поздоровавшись, спросила:

— А ты Барсика кормишь?

— Кормлю.

— Хороший ты человек!

— Не факт, — признался он.

Но старушка уже его не слушала и закрыла окно, спасаясь от холодного осеннего воздуха. Кот фыркнул и принялся доедать корм.

— Вот-вот! — заметил Тимур. — Барсик — это у неё. Борис — солиднее. Ну да ладно, доедай. Спасибо, что выслушал, пойду спать. Обещаю приходить почаще.

Тимур поднялся на свой этаж, скинул в прихожей куртку. Щелкнул выключатель, зажглась одна лампа. Тимур захлопнул открытый ноутбук, работать сегодня он точно уже не будет. В холодильнике нашлась початая бутылка минералки, в которой еще сохранились остатки пузырьков. Тимур сделал большой глоток, глядя в окно. Борис закончил с кормом и теперь грелся, сидя на чугунной решетке продуха. Тимур постучал пальцем по стеклу, но кот его не услышал. А может, просто сделал вид.

Вода в бутылке закончилась. Тимур выключил свет, разделся и лег на незаправленную кровать. Пиво всё еще бродило по организму. Один заказ сделан, другой в работе, деньги есть. Всё было в порядке. Настолько в порядке, что можно было ничего не менять. Лишь в тишине было слышно, как в стене гудит вода в трубах. Обычная вода.